

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И ВОЛНЕНИЯ В ВОРОНЕЖЕ 25–29 ИЮНЯ 1648 ГОДА

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 марта 2024 г.

Аннотация: очевидец восстания в Москве в начале июня 1648 г. воронежский полковой казак Г. Кривушин после возвращения в Воронеж угрожал побоями и грабежом местным начальникам и богатым людям. Это вызвало бегство из города воеводы и стрелецкого головы, но воронежцы не поддержали призывы к бунту. Местная власть, опираясь на горожан, смогла стабилизировать положение.

Ключевые слова: Воронеж, 1648 год, воевода, полковые казаки, стрельцы, Герасим Кривушин.

Abstract: an eyewitness to the uprising in Moscow in early June 1648, Voronezh regimental cossack G. Krivushin, after returning to Voronezh, threatened local chiefs and rich people with beatings and robbery. This caused the flight of the voivode and streletsky head from the city, but the Voronezh residents did not support the calls for a riot. The local government, relying on the citizens, was able to stabilize the situation.

Key words: Voronezh, 1648, voivode, regimental cossacks, streletsy, Gerasim Krivushin.

События 25–29 июня 1648 г. в Воронеже стали откликом на восстание в Москве в начале этого месяца. До сих пор внимание историков было сосредоточено на намерениях и действиях бунтовщиков [1, с. 136–142; 2, с. 256–257; 3, с. 114–118; 4, с. 89–99]. Для лучшего понимания произошедшего заслуживает изучения реакция на события и действия местных властей. Воронежская администрация включала следующих лиц: воевода В. Т. Грязной, стрелецкий голова П. К. Толмачев, казачий голова С. Поздняков, губной староста С. Е. Лихобритов, подьячий съезжей избы З. Кошкин. К событиям имел отношение коротоякский воевода Д. Яковлев. Низовой уровень управления составляли стрелецкие и казачьи пятидесятники и десятники.

Город Воронеж в 1648 г. представлял собой типичный южнорусский город-крепость с преобладанием военного населения. Переписью 1648 г. в городе зафиксирован 1191 двор [5, л. 8]. Если принять за среднюю численность двора 6 человек, включая женскую часть, то население города в 1648 г. составит примерно 7146 человек.

До 1642/43 г. в Воронеже размещалось 300 полковых казаков и 200 стрельцов. В связи с участвовавшими набегами крымцев и ногаев численность стрельцов увеличилась до 400 человек, полковых казаков – до 600 человек. Не будет ошибкой суждение о том, что количество стрельцов и полковых казаков и чле-

нов их семей превышало половину населения города. Наряду с названными к воронежским ратным людям относились беломестные атаманы и казаки, пушкари, затынщики и воротники.

Невоенное население по численности уступало служилым людям. Посадские люди в 1648 г. проживали в Напрасной и Ямной слободах (102 двора) [там же, л. 3–4, 5–7]. По данным за 1646 г. в слободе Успенского монастыря насчитывалось 120 дворов торговцев и ремесленников. На землях Алексеевского Акатова и Покровского женского монастырей находилось 32 бобыльских двора. На церковных землях располагались 38 бобыльских дворов. В слободе боярина Никиты Ивановича Романова насчитывалось 45 бобыльских дворов, в них 70 человек жили «на время для промыслов», приезжая из села Романово городище. В переписной книге 1646 г. отмечено 5 осадных дворов, 23 двора нищих. В городе Воронеже в 1646 г. составители переписной книги насчитали 11 церквей и 3 монастыря, 31 двор представителей духовенства, в том числе 16 попов, 4 пономаря, 5 дьячков, 6 просвириц [6, с. 161]. Всего в 1646–1648 г. в Воронеже находилось 396 дворов невоенного населения.

В 1640-х гг. Воронеж и Воронежский уезд подвергались многочисленным нападениям крымских татар и ногаев. Жители воронежского края ежегодно участвовали в возведении укреплений на путях вторжений. Только в 1647 г. всем «миром» построили дубовые надолбы по левым берегам рек Воронежа и Дона длиной более семи километров. Кроме того, в Усманском стане в Собакиной поляне был вырыт ров

глубиной более двух метров, а в районе Шилово сооружены тарасы – деревянные дубовые срубы, насыпанные землей [7, л. 54–65].

Работы на оборонительных сооружениях отвлекали от личного хозяйства людей, служивших «с земли». В том же 1647 г. полковые казаки составили челобитную о выплате им жалования. Отвезти прошение в Москву должен был полковой казак Герасим Кривушин. Для него сослуживцы собрали деньги на путевые расходы и пропитание в столице.

Фамилия Кривушин не встречается в других воронежских документах, относящихся к XVII в., кроме связанных с 1647–1648 гг. В ходе сыска один из опрошенных – полковой казак Н. Лысиков – назвал другое прозвище Г. Кривушина – «Барышников» [8, л. 299]. В переписи 1648 г. назван только один человек с такой фамилией – затинщик Н. Барышников [5, л. 15]. Весьма вероятно, что Г. Кривушин – новоприборный полковой казак, член семьи затинщика – был принят на службу в 1642/43 г. Новоприборные стрельцы и полковые казаки долгое время не имели своих дворов и жили во дворах родственников – старослужащих служилых людей.

Очевидно, что Г. Кривушин находился в состоянии конфликта с воеводой. Причина и подробности ссоры казака с воеводой не известны. Скорее всего, Г. Кривушин поехал в Москву без разрешения В. Грязного. В столице в Стрелецком приказе Герасим заявил, что послан всеми воронежцами с жалобой на притеснения воеводы. На самом деле Г. Кривушин не имел таких полномочий, он приехал с челобитной только от полковых казаков по поводу жалования.

О ложном заявлении казака стало известно воеводе. В октябре 1647 г. В. Т. Грязной отправил руководству письмо, уличавшее Г. Кривушина в обмане. По словам В. Т. Грязного, никакого общегородского обращения к царю не существовало, воронежцы на воеводу не жаловались [9, л. 40], что соответствовало истине.

За ложное утверждение Г. Кривушина арестовали и посадили в московскую тюрьму. А после освобождения он оказался в числе очевидцев московского восстания начала июня 1648 г. На пути из Москвы, в Ельце, Г. Кривушин говорил о московских событиях. Возмутителя спокойствия «за дурные слова» елецкий воевода А. Хрущев бил батогами и на четыре дня посадил в елецкую тюрьму [там же, л. 42].

В Воронеж Г. Кривушин прибыл 17 июня 1648 г. Он посетил непосредственного начальника – казачьего голову С. Позднякова и представителей местной элиты – детей боярских Прокофия Шишкина и Богдана Конинского, которые угощали гостя вином и слушали его рассказы о произошедшем в столице.

Г. Кривушин не выполнил поручения казаков, и они просили вернуть деньги, собранные на его

пропитание в столице. Но денег у неудачливого челобитчика не осталось [8, л. 304]. Тогда он пошел на обострение ситуации. Г. Кривушин ходил по улицам города, рассказывал о московской смуте, угрожал своим недругам. Казак собирался бить и грабить воеводу В. Т. Грязного, стрелецкого голову П. К. Толмачева и «шильников»¹ – некоторых полковых казаков и стрельцов, очевидно тех, кто требовал с него деньги.

Г. Кривушин ссылался на придуманный им царский указ, который переменит воеводу. Указ якобы находился недалеко, «за Русским лесом». Вокруг Г. Кривушина собралась толпа сочувствующих. По городу поползли слухи о заговоре.

25 июня, в воскресенье, на торгу встретились Б. И. Конинский и стрелецкий голова П. К. Толмачев. Б. И. Конинский заявил П. К. Толмачеву: «Тебя хотят первого убить!» и имущество твое разграбить. На это П. К. Толмачев ответил: «Меня убить не за что». Б. И. Конинский сказал, что полковой казак Г. Кривушин собирается бить богатых людей (начать «с больших костей»), на что есть царский указ [там же, с. 302].

Испуганный стрелецкий голова П. К. Толмачев прибежал к воеводе. У воеводы собрались, наряду со стрелецким головой, другие городские начальники: губной староста С. Е. Лихобритов, казачий голова С. Поздняков. Они говорили, что у горожан есть «совет дурной». Воронежские полковые казаки и стрельцы во главе с Герасимом Кривушиным хотят убить нескольких человек и разграбить имущество у воеводы, стрелецкого головы, троцкого попа Сергия, подьячего съезжей избы З. Кошкина и «лучших» посадских людей около 30 человек. В расспросных речах П. К. Толмачева уточнялось – Г. Кривушин собирался побить «худых людей, а добрые останутся». По показаниям С. Е. Лихобритова, Г. Кривушин с несколькими полковыми казаками выходили за город «для совета» [там же, л. 299].

Воевода В. Т. Грязной сделал попытку предотвратить мятеж. Он обратился к казачьим и стрелецким пятидесятникам, чтобы они напомнили казакам и стрельцам о присяге – «крестном целовании» и отговорили подчиненных от «смертного неповинного убийства». На это пятидесятники ответили: «Нам до того дела нет, нам тех людей не унять». Опасаясь за жизнь, В. Т. Грязной и П. К. Толмачев ускакали в Коротояк [9, л. 40–41].

26 июня коротоякский воевода Д. Яковлев послал в Воронеж для разведки племянника и с ним 40 коротоякских детей боярских. В. Т. Грязной из Коротояка направил предписание казачьему голове С. Позднякову обратиться к казачьим и стрелецким пятиде-

¹ Шильник – плут, мошенник.

сятникам, предостерегая их от смуты, и арестовать зачинщиков бунта. На этот раз пятидесятники выполнили приказ воеводы. Как выяснили коротоякские жители, посланные в Воронеж для разведки, воронежцы не поддерживали бунтовщиков.

27 июня в Коротояк приехал воронежский сын боярский Богдан Сукочев. По его словам, воронежцы зовут В. Т. Грязного возвратиться в их город, одного смутьяна посадили в тюрьму, остальных будут сыскивать. Возвратившиеся в Коротояк дети боярские сообщили об аресте в Воронеже трех человек, включая Г. Кривушину [там же, л. 59]. 29 июня В. Т. Грязной возвратился в Воронеж. Воронежцы собрались на сход и начали выяснять, «от кого то убойственное дело зачалось». По словам воеводы, на сходе воронежцы говорили, что о словах и замыслах Г. Кривушина знают лишь понаслышке. Воевода предположил, что на бунт Г. Кривушина наставляли «старые» зачинщики: дети боярские Прокофий Шишкин с детьми и Богдан Конинский. На их дворах Г. Кривушина много раз видели пьяного. Выходя из дворов названных детей боярских, Г. Кривушин ходил по улицам и угрожал многим людям [там же, л. 42]. Вина П. Шишкина и Б. Конинского не была доказана, и они не пострадали.

Об изучаемых событиях свидетельствуют три документа: отписка воронежского воеводы В. Т. Грязного, отписка коротоякского воеводы Д. Яковлева и расспросные речи воронежцев. Отписка Грязного была составлена после 16 июля и подана в Разрядный приказ 26 июля 1648 г. Воевода, бежавший из города, стремился оправдать свои действия, показав наличие крупного заговора среди воронежцев. Отписка Яковлева подана в Разрядный приказ 18 августа. Местами она дословно повторяет отписку Грязного. Но Яковлев сообщает дополнительные сведения, которые в некоторых деталях расходятся с показаниями Грязного.

Расспросные речи датированы 25 июня – 16 июля 1648 г. Но сомнительно, что воевода 25 июня был в состоянии думать о составлении документа. Очевидно, показания свидетелей начали записываться 30 июня. Воевода не достиг своей цели – следствие зашло в тупик. В расспросных речах кроме Г. Кривушина не назван ни один заговорщик. Вина самого Кривушина была практически не доказана. Лишь полковой казак Л. Худошин показал, что слышал угрозы от Кривушина. Все другие слова Кривушина передавались через третьих лиц. Соратники Кривушина, видимо, сговорились между собой и все отрицали.

С 30 июня по 16 июля производился сыск и составлялись расспросные речи. Из них становятся известными некоторые подробности события. Полковой казак Н. Лысиков сообщил, что Г. Кривушин

угрожал побить и разграбить дома у «шилльников» – полковых казаков Г. Рублева, З. Коровникова и его Н. Лысикова. Стрельцу И. Ключанскому полковой казак Л. Худошин, выбегая из города, сказал, что «хотят нас побить» [8, л. 299]. Сын боярский Б. Сукочев слышал от пятидесятника О. Камынина, что в сговоре с Г. Кривушиным 60 человек, об услышанном Б. Сукочев сообщил казачьему голове С. Позднякову. Впоследствии О. Камынин от этих слов отказывался [там же, л. 304].

Губной староста С. Е. Лихобритов слышал от попа Никиты такие слова Г. Кривушина: «Сидел я на Москве от воеводы в тюрьме, будет воевода сидеть и денег мне даст». По словам С. Е. Лихобритова, Г. Кривушин пил вино у Б. Конинского и говорил: «Есть указ недалеко от Русского леса, весь указ за Русским лесом» [там же, л. 301]. Полковой казак выдумал, будто бы царь издал указ о том, чтобы бить и грабить воеводу и богатых людей.

2 июля давали показания троицкий поп Сергей, полковой казак З. Коровников, стрелец Г. Валуйский, иноземец П. Слотовский. Троицкий поп Сергей 24 июня посылал полкового казака З. Коровникова предупредить воеводу о заговоре, но казак испугался и к воеводе не пошел. Г. Валуйский слышал от Л. Худошина, что по городам начали начальников с «шилниками» бить и вешать и что Г. Кривушин призывает воеводу с «шилниками» бить и грабить. Л. Худошин заявлял, что не говорил таких слов. Иноземец П. Слотовский слышал от Б. Конинского, что полковой казак Г. Кривушин говорил о скорой перемене воеводы В. Т. Грязного. Указ об этом «за Русским лесом», а указ о П. Толмачеве «по сю сторону Русского леса» [там же, л. 302–303].

3 июля в показаниях троицкого попа Антония, сына попа Сергия, новых сведений не прозвучало. 7 июля сын боярский Б. И. Конинский подтвердил, что после приезда из Москвы Г. Кривушин пил у него дома вино, а перед этим полковой казак посетил казачьего голову С. Позднякова. Все другие заявления Г. Кривушина Б. Конинский отрицал, отказывался он и от слов Е. Толмачеву о том, что его хотят первого убить. 9 июля поп Антоний показал, что не слышал угрозы воеводе от Г. Кривушина. 10 июля никольский поп Алексей не подтвердил слова Г. Кривушина с угрозами воеводе. 16 июля воронежские дети боярские П. Митрофанов и Л. Павлов сказали, что слышали о намерении Г. Кривушина побить «шилников», других слов полкового казака они не подтвердили [там же, л. 304–305].

Г. Кривушин был наказан: в декабре 1648 г. он находился в воронежской тюрьме, дальнейшая его судьба не известна. В ходе волнений в Воронеже не произошло убийств и разграблений, Г. Кривушин и его товарищи ограничились угрозами. Привлечь на

свою сторону значительное количество воронежцев казаку не удалось. Прозвучавшая в ходе сыска цифра сторонников Г. Кривушина «60» составляет небольшую долю от населения Воронежа. Ключевая роль в событиях принадлежала пятидесятникам. Первоначально они проявили колебания, что побудило воеводу и стрелецкого голову бежать. Но воронежцам стало ясно, что царского указа о смене воеводы нет, его выдумал Г. Кривушин. 26 июня пятидесятники получили приказ В. Т. Грязного из Коротояка схватить зачинщиков. Распоряжение воеводы озвучил казачий голова С. Поздняков, после чего пятидесятники подчинились, арестовав Г. Кривушина и двух его товарищей.

Сомнительно, что угрозы полкового казака могли привести к убийству должностных лиц – воеводы и стрелецкого головы. Начальники проявили малодушие и бежали. Но со стороны московского руководства порицания в их адрес не последовало. Эпизод не отразился на дальнейшей карьере В. Т. Грязного и П. К. Толмачева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1. Отписка царю Алексею Михайловичу воронежского воеводы В. Т. Грязного об угрозах со стороны полкового казака Г. Кривушина с товарищами, отъезде воеводы и стрелецкого головы в Коротояк. 16–26 июля 1648 г.

(Л. 40) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всяя Руси холоп твой Васко Грязный челом бьёт. В ненешнем, государь, в 156-м году июня в 25 день сказывали мне, холопу твоему, воронежские казачей да стрелецкой головы Семён Поздняков, да Пётр Толмачев, да губной староста Сергей Лихобритов, да соборные попы посацкие многие лучшие люди, что есть де у гороцких людей совет дурной: собираются де воронежские полковые казаки и стрельцы и заводят смертное убойство и грабёж, а хотят меня, холопа твоего, убить до смерти, да стрелецкова голову, губнова старосту, Троицко[ва] попа Сергея, съезжей избы подьячева Захарья Кошкина, посацких лутчих торговых людей человек с тридцать и больши, и завотчи де первой человек полковой казак Гараська Кривушин. А был де тот Горасимко на Москве в челобитчиках от полковых казаков, а бил де челом тот Гарасимко в Стрелецком приказе, умысля своими советник[и], ложно будто его послали бить челом тебе, государь, от всего города и о то[м] к тебе, государь, писал я, холоп твой, октября в де[нь] в Стрелецкой приказ. И как приехал с Москвы на Воронеж июня в 17 де[нь] тот полковой казак Гараська Кривушин и учал де рассказывать в торговые дни в ряду и по улицам многим людям всяких чинов и приговаривать к себе заводчиков и всяких воронежских людей: учинились де на Москве смута большая, бояр де и всяких многих людей побили до смерти, и дворы разграбили, и я, холоп твой, того же часу хотел учинить

(Л. 41) смотр и мне холопу твоему учили говорить всяких чинов люди: как де сойдутца на смотр тут и большая будет смута. И я, холоп твой, посылал х казачим и стрелец-

ким пятидесятником и велел им говорить добром, штоб попомнили православную крестьянскую веру и своё крестное целованье, на чём целовали крест тебе, государю, и штоб не учинили смуты и смертнова неповиннова убойства и те, государь, казачьи и стрелецкие пятидесятники сказали: нам де до того дела нет, а хто де станет делать и нам де тех людей не унять. И я, холоп твой, слушаши тот их совет дурной, поехал тово же числа наспех стрелецким головою с Петром Толмачёвым в тво, государь, новой город Коротояк, для того, что их воронежцов добром не уговорить и ото всякого дурна ничем не унять. И приехав я, холоп твой, в Коротояк июня в 26 день и, поговоря с твоим государевым стольником и воеводою с Данилом Яковлевым, послал Данило племянника своево Данила Денисьева сына Яковлева да с ним коротоякских детей боярских сорок человек, а я, холоп твой, послал память на Воронеж к казачьему голове Семёну Познякову, штоб он говорил казачьим и стрелецким пятидесятникам и всяким воронежским людям, штоб не учинили смуты и смертнова убойства и завотчиков бы сыскав держали з бережением до твоево государева указу. Июня в 27 день приехал в Коротояк воронежец сын боярский Богдан Сукочей, а сказал мне, холопу твоему, что посылают де на Коротояк воронежцы к тебе всяких чинов людей говорить, штоб поехал ты на Воронеж, а завотчика де одново изымали и посадили в тюрьму, а достольных де хотят сыскивать и того же, государь, числа поехал я, холоп твой, с Коротояка и приехал

(Л. 42) на Воронеж июня в 29 день. И воронежцы, государь, всяких чинов люди учинили передо мной, холопом твоим, сход и на сходе учели сыскивать: от ково то убойственное дело зачалось и многие, государь, люди учали в том деле запитатца во многих статьях, а што, государь, тот полковой казак Гараська Кривушин учал завод дурной заводить, про то, государь, многие воронежские всяких чинов люди говорят наслышкою, а чают того, што тот Гараська завод дурной заводил по научению старых завотчиков и составщиков Прокофья Шишкина с детьми да Богдана Коннинскова, потому што того Гараську умногажды на дворе у Богдана Канинскова да у Прокофья Шишкина [видели] пьяново и з двора идучи тот Гараська пьяным делом по улицам дурными всякими словами похваляетца, многим людям уграживает. Да тот же полковой казак Гараська ехал с Москвы на Елец, учал говорить такие же дурные слова, и на Ельце воевода Алексей Хрущёв тово полкового казака Гараську за те ево дурные слова бил ба-тоги и держал в тюрьме четыре дни и вперёд, государь, што учинитца на Воронеже какое дурно от тех воров и от завотчиков и мне, холопу твоему, в том от тебя, государя, в опале не быти и от том, как, государь, укажешь мне, холопу своему. А што, государь, сказывали воронежцы всяких чинов люди в расспросе передо мною, холопом твоим, и те, государь, росспросные речи за них руками послал к тебе, государю, с отпискою к Москве с воронежцом с сыном боярским Микитою Столповским, а отписку, государь, и росспросные речи велел подать в Разряде твоим государевым думным дьяком Ивану Гавренову, да Михайлу Волошенинову, да Григорью Ларивонову.

(Л. 40 об.) 146 июля в 26 день.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всяя Руси.

С[ыска]ть распросные речи.

156 году приказной.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст. Д. 167 (ч. 1). Л. 40–42.

Документ 2. Отписка царю Алексею Михайловичу коротоякского воеводы Д. Яковлева о пребывании в Коротояке воронежского воеводы В. Т. Грязного и о получении известий об обстановке в Воронеже. 28 июня – 18 августа 1648 г.

(Л. 55) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу холоп твой, Данилко Яковлев челом бьёт. В нынешнем, государь, в 156 году июня в 26 день прибежал с Воронежа на новой город Коротояк стольник и воевода Василий Грязной, да с ним прибежал воронежской стрелецкой голова Пётр Толмачев, да люди дворовые их, а сказал мне, холопу твоему, Василей Грязной, што прибежали де оне на Коротояк от воронежцов от воров, которые заводили на Воронеже воровской завод и хотели ево, Василья Грязнова и голову Петра Толмачева побить и разграбить. Июня де, государь, в 25 день сказывали ему на Воронеже воронежской казачей голова Семён Поздняков, да губной староста Сергей Лихобритов, да воронежские соборные попы и воронежские посацкие многие лучшие люди, што есть де у воронежцов, у городцких людей совет дурной, збираютца де воронежские полковые казаки и стрельцы и заводят де они смертное убийство и грабеж, а хотят оне, воронежцы, убить до смерти ево, Василю Грязнова, да стрелецкова голову Петра Толмачева, да губнова старосту Сергея Лихобритова, да воронежского Троецкого попа Сергия,

(Л. 56) да съезжей избы подьячева Захарья Кошкина и воронежских посацких торговых лучших людей человек с тридцать и больши, и заводчик де первой на то убийство и на грабеж воронежской полковой козак Герасимко Кривушин, а был де он Герасимко на Москве в челобитчиках от воронежских полковых казаков и июня в 17 день приехал он Герасимко с Москвы на Воронеж,

(Л. 57) а учел де он рассказывать в торговые дни в ряду и по улицам многим людям всяких чинов и приговаривать к себе заводчиков и всяких воронежских людей: учинились де на Москве смута большая, бояр де и всяких многих людей побили до смерти, и двory разграбили.

(Л. 58) И посылаю я в Воронеж для проведывания про тот завод племянника своего жильца Даниилу Яковлева да с ним коротояцких детей боярских елецких переведенцов 40 человек. И в июня в 28 числе приехал с Воронежа мой племянник Данила Яковлев и коротояцкие дети боярские 40 человек, а в расспросе, государь, передо мной, холопом твоим, племянник мой Данило и коротояцкие дети боярские сказали, што июня в 27 день были оне на Воронеже для проведывания про тот завод и ему де Даниилу и коротояцким детям боярским сказывали

(Л. 59) воронежские служилые и всяких чинов люди: не у всех де у них такой завод и умысел на смертное убийство и на грабеж, а которые де у них, у воронежцев, такой завод воровской заводили и на смертное убийство и на грабеж мысль мыслили и они де воронежцы, не хотя такова заводу и смертна неповиннова убийства, тех де оне заводчиков воронежсково полковога козака Герасимка

Кривушина с товарищи трёх человек переймали и посадили на Воронеже их в тюрьму до твоева государева указу и до коих мест с новаго города Коротояка на Воронеж стольник и воевода Василей Грязной будет, а достольных де оне воронежцы заводчиков учнут впредь сыскивать. И июня ж, государь, в 28 день приехал с Воронежа на Коротояк сын боярской Богдан Сукочей, а сказал, што посылают де с Воронежа воронежцы на Коротояк к стольнику и воеводе Василю Грязнова всяких чинов людей говорить, штоб он Василей Грязной и голова Петр Толмачов поехали на Воронеж, а заводчиков де они трёх человек на Воронеже, которые заводили воровской завод, изымали и посадили в тюрьму, а достольных де они заводчиков сыскивают. И того ж, государь, числа стольник и воевода Василей Грязнова да да стрелецкой голова Пётр Толмачёв с нового города Коротояка на Воронеж поехали.

(Л. 56 об.) 156 августа 18 дня подал...²

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст. Д. 167 (ч. 1). Л. 55–59.

Документ 3. Расспросные речи воронежцев о событиях 17–25 июня 1648 г. в Воронеже. 25 июня – 16 июля 1648 г.

(Л. 299) 146 июня в 25 день извещали в съезжей избе стольнику и воеводе Василю Тимофеевичу Грязному стрелецкой голова Петр Толмачев да губной староста Сергей Лихобритов. Сказывал де ему Петру Толмачеву полковой козак Григорей Рублев, что есть де у гороцких людей совет дурной, что хотят их побить и двory розграбить полковые козаки, а хто именем, того де ему Петру Толмачеву он Григорей Рублев не сказал и то де он Петр слы[шал], что говори де полковой козак Гораско Кривушин, што поб[ить] де нам худых людей, а добрыя останутца и они де станут нашу кровь проливать и новее нам надобно почать з больших костей, а от ково де он те речи слышел, тово он не упомнит – мирская молва, а те де речи говорил про воеводу или про иного кого, тово он не ведает.

А Сергей Лихобритов в извете сказал: сказывали де ему Сергею полковья козаки Григорей Рублев да Микита [Лыс]иков, что хотят де полковья козаки Гораско Кривушин с немногими людьми с своими советники голову Петра Толмачева да Захара Кошкина да их Григорья Рублева и Микиту Лысикова побить и двory их розграбить, а им де Григорю Рублеву и Миките Лысикову сказывал полковой же козак Зенов Коровников и выходили де на совет за город с ним Гораскою Кривушиным немногия полковья козаки, а для какова совету выходили, того де ему не сказали.

И июня в 30 день полковой козак Григорей Рублев сказал, что де он Петру Толмачеву сказывал, что хочет полковой козак Горасим Кривушин с товарищи с советники своими их шильников побить и двory розграбить, а кого побить, того он именем не сказал, а ему де Григорю Рублеву сказывал те речи полковой козак Зенов Коровников и Сергею Лихобритову Григорей те речи сказывал же.

Полковой же козак Микита Лысиков сказал, что он Сергею Лихобритову сказывал, что хочет полковой козак Гораско Б[а]рышников с товарищи и советники своими шильников Петра Толмачева да полковых казаков Григоря Рублева, Зенова Коровникова и ево Микиту Лысикова по-

² Два слова неразборчиво.

бить и двory их розграбить да и те де речи он Микита сказывал Сергею Лихобритову, что Гораско Кривушин с немногими полковыми козаки за город на совет ходил, а о чем у них совет был, того де ему Зенов Коровников не сказывал.

Стрелецкой же голова Петр Толмачев сказал, што сказывал ему стрелец Иван Ключанской июня в 25 числе де шол он Иван Ключанской из двора в город и с ним де встретился полковой козак Логвин Худошин и говорил ему Ивану: зачем де ты в город идешь, хотят де нас побить, а хто хочет побить и кого побить, того де не сказал.

(Л. 299 об.) 156.

К сему своему извету Петр Толмачев руку приложил.

К сему извету своему Сергей Лихобритов руку приложил.

К сей своей сказки Петр Толмачев руку приложил.

(Л. 300) И стрелец Иван Ключанской сказал, что он июня в 25 день шол из своево двора в город и с ним встретился полковой козак Логвин Худошин и сказывал ему те речи, что зачем ты в город идешь, хотят де их шильников полковых козаков Григоря Рублева, Зенова Коровникова, Логвина Худошина побить полковой козак Горасим Кривушин и те де речи он Иван Ключанской Петру Толмачеву сказывал, а Логвин де Худошин говорил те чечи скорым делом, бегучи из города.

И полковой козак Логвин Худошин сказал, что он Ивану Ключанскому сказывал те речи, бегучи из города, что хочет полковой козак Горасим Кривушин их шильников полковых козаков Григоря Рублева и Зенова Коровникова и ево Логвина Худошина побить, а ему де Логвину сказывал полковой козак Микита Лысикив и самому де ему Логвину он Горасим грозил и говорил токия речи: тебе де у меня и первому будет.

Полковой же козак Зенов Коровников сказал, присылал де к нему Зеновью чижовской троицкой поп Сергей сына своево, чтоб он Зенов побывал у отца ево у Сергея. И поп Сергей ему сказывал: был де у него Сергея воронежской стрелей Гаврила Волуйской, а сказывал де ему попу Сергею: был де совет у полкового козака у Горасима Кривушина с своими советники, что хотят побить голову Петра Толмачева да полковых козаков ево Зеновя Коровникова, Григоря Рублева, Микиту Лысикова, Ивана Ключанского да Захаря Кошкина да Кирея Бородина, а хто Горасимковых советников и он Зеновей того у Сергея попа не спросил.

Тово ж числа воронежской сын боярской Богдан Сукочей скозал: говорил де ему Богдану на поперти в городе у церкви у Рождества Христова полковых козаков пятидесятник Арех Комынин: есть де на Воронежи в заговоре человек с шездесят полковых козаков в том же Горасимкове деле Кривушина, а хто именем полковых козаков в заговоре, того Арех Комынин не сказал. И он де Богдан в те поры сказывал те Ареха Комынина речи козачьему голове Семену Позднякову и Семен де Поздняков против той речи учал говорить: такия де люди говорят, что есть в заговоре 60 человек и им де в том слове мошно верить, а от Ареха де Комынина он Семен таких речей не слышал.

(Л. 300 об.) К сей скаски Иван Тарорыков места Богдана Сукочева по ево веленью руко приложил.

(Л. 301) Полковой козак Арех Комынин сказал: у церкви де у Рождества Христова на паперти сыну боярскому

Богдану Сукову, что есть на Воронеже в зговоре шез[де] сят человек полковых козаков таких речей не говаривал, а в то время был козачей голова Семен Поздняков да козак Алексей Гудков.

Губной староста Сергей Лихобритов сказал: был де он в [се]ле Устьи у Ивана Чеплыгина и почал де ему Иван Чеплыгин сказывать про полкового козака про Горасимка Кривушина, что хочет побить шильников с товары[щи] своими и воевода де слышачи те дурныя речи поехал из города вон. Да девицкой де вдовой п[оп] Микита говорил такие речи у Ивана Чеплыгина про Г[о]расимка Кривушина: слышел де он поп Микита от нево Г[о]расимка, что сидел де он от воеводы на Москве в тюрьме, будет де воевода сидеть и сам в тюрьме и денег де ему даст, а слышел де те поповы речи Иван Чеплыгин, Петр Митрофанов, Левонтей Павлов да посацкой никольской поп Алексей.

Да он же Сергей Лихобритов сказывал: слышел де он от Богдана Конинского: был де у него Богдана полковой козак Горасим Кривушин пил вино, а говарил де такие речи: есть де указ недалече до русского лесу, весь де указ за русским лесом.

Стрелецкий голова Петр Толмачев сказал: июня де в 25 день после полдень шол он к съезжей избе и с ним де встретился Богдан Конинской в пустом ряду и почал де ево Петра лаять: тебя де хотят первого убить и животы твои розграбить, а хто хочет ево Петра убить, тово ему не сказал, а слышал де то слово иноземец Тимофей Потоцкой.

(Л. 301 об.) К сей своей сказке Сергей Лихобритов руку приложил.

К сей своей сказке Петр Толмачев руку приложил.

(Л. 302) Иноземец Тимофей Потоцкой сказал: с стрелецким головою с Петром Толмачевым пустым рядом шол и те речи слышел, что де Богдан Конинской говорил Петру Толмачеву: тебя де Петра первого убить и животы твои розграбить и Петр де Толмачев ему против того сказал, что де меня убить не за што и он де Богдан Конинской говарил ему Петру, што сказывал ему Богдану полковой козак Гораско Кривушин: почать ли де бить или нет з больших костей и недалече де у нас указ у Русского рога, тут де у нас и весь указ. И те де речи от Богдана Конинского слышел же иноземец Поликарп Слотовской, да стрелец, да торговой лавочной человек, а имян их не знает, только их рожей знает.

Июля во 2 де троецкой поп Сергей сказал, что он сына своево к полковому козаку к Зеновью Коровникову посылал ли или нет, того не упомнит, а Зенов де Коровников у нево был в субботу в вечеру, ходят де к нему попу Сергею многие люди и без звания каму какое дело есть, а стрелец де Гаврилка Волуйской был у нево попа Сергея на дворе и домо ево в те поры домо не было и сказывал де тот Гаврилка сыну ево попу Антонию, что слышел он от человека, что хотят воеводу и иных людей бить и грабить, а те де речи слышел он поп Сергей от сына своево попа Антоня.

Тово ж числа полковой козак Зенов Коровников на очной ставке с попом Сергеем сказал, что де посылал ево поп Сергей известить воеводу о том, чтоде будет завтра в воскресенья июня в 25 де худо и он де Зенов побоявся не пошел извещать, а те де речи слышел он Зенов от самага от него попа Сергея.

Стрелец Гаврилко Валуйской сказал, что он у попа Сергея в субботу в дворе был, а Сергея де попа в то время

домо не было и ему попу Сергею никаких речей не сказывал, а сказывал де сыну Сергееву [по]пу Антонию, что шол де полковой козак Логвинко Худошин в баню, с ним Гаврилкою шелся на дороге

(Л. 302 об.) К сем допросным речам Василей Протопоповместа иноземца Тимофея Потоцкого по ево веленью руку приложил.

К сей своей сказки троецкой поп Сергей руку приложил.

(Л. 303) и сказывал ему Гаврилку, что по городом де почали начальников с шильниками бить и вешать, а что де Гораско Кривушин завод какой заводит, того он Логвинка не слышал, а то де он Логвинко сказывал троецкому попу Антонию Сергееву, что воевод с шильниками бить и грабить и то ему Гаврилке сказывал Антоней поп, что он Антоней слышел де от казака от Логвинка Худошина, что воеводу с шильниками бить и грабить.

Того ж числа стрелецкой голова Петр Толмачев сказал, что приказал ему стольник и воевода Василей Тимофеевич Грязной сыскать стрельца Гаврилку Волуйского и поставить в съезжей избе, и он де Петр сыскав того Гаврилку велел посадить на ночь на Стрелецкие ворота и нарани, взяв ево с ворот в стрелецкою избу, роспрашивал, и он де Гаврилка перед ним Петром сказал, что есть грамота воеводу и голов и шильников бить и грабить, а какая грамота и у ково он Гаврилку слышел, того де он Петр в таком деле не роспрашивал, прислал ево с пятидесятники с Петром Сухоревым да с Иваном Щелевым в съезжую избу.

И стрелец Гаврилку Волуйской з головою с Петром Толмачевым на очной ставке сказал, что он слышел от казака от Логвинка Худошина, что есть грамота воеводу с шильниками бить и грабить.

И козак Логвин Худошин на очной ставке з Гаврилкою Волуйским сказал, что он таких речей, что есть грамота воеводу с шильниками бить и грабить не говорил и троецкому попу Антонию Сергееву таких речей, что Гораско Кривушин завод заводит: воеводу с шильниками бить и грабить не сказывал же.

Иноземец Поликарп Слотовской сказал против Тимофеевых речей Потоцкого: был де он у Богдана Конинского с ним Тимофеем Потоцким и Богдан де Конинской говорил, что был де у него полковой козак Госаска Кривушин и сказывал ему Богдану про воеводу про Василья Тимофеевича Грязного, что ему будет перемена, недалеко де у нас указ за Русским лесом, а Петру де Толмачеву у нас указ будет и по сю сторону Русского лесу, а Богдан де Конинской Петру Толмачеву говорил или нет, что Петра Толмачева первого убить хотят и животы розграбить Гораска Кривушин с товарищи и он де Поликарп тех речей не слышал.

(Л. 303 об.) К сей скаски Петр Толмачев руку приложил.

К сей скаски Василей Трофимов сын Михнев места Поликарпа Слотовского руку приложил.

(Л. 304) Июля в 3 де троецкой поп Антоней Сергеев в съезжей избе сказал по священству: стрелец де Гаврилка Волуйской в субботу у отца ево на дворе был и сказывал ему попу Антонию, что слышал де он Гаврилка у человека, што хотят воеводу и иных многих людей убить и розграбить, а про Гораску де Кривушина он Антоней у нево

Гаврилка ничего не слышал, а хто хочет воеводу и иных многих людей бить и грабить и у кого он Гаврилка слышел и он де поп Антоней у того Гаврилка Волуйского не спросил.

Июля в 7 день воронежец Богдан Иванов сын Конинской в съезжей избе сказал: приехов де с Москвы полковой козак Гораско Кривушин у него Богдана на дворе был, пил вино, а сперво де он Гораско был у козачья головы у Семена Позднякова, а у него Богдана был опосле и от него де Гораски он Богдан таких речей, что воеводу и шильников бить и грабить и что воеводе перемена за Русским лесом, а Петру Толмачеву и по сю сторону Русского и весь де указ недалеко по сю сторону Русского – таких речей не слышал и Петру де он Богдан таких речей, что ево Петра первого убить и животы розграбить хотят Гораско Кривушин не говаривал.

И июля в 9 день девицкой вдовой поп Никита по священству сказал: июня де в 26 день в понедельник в селе Устьи у Ивана Чеплыгина был, а Сергей де Лихобритов у него Ивана был тут же и таких речей он поп Микита не говорил, что будто слышал он от Гораски такая речи, что сидел он Гораско от воеводы на Москве в тюрьме и будет де воевода и сам сидеть в тюрьме и денег де ему даст. И он де Гераски де Кривушина таких речей не слышал, а говорил де он гораско: как де ево посылали к Москве в челобитчицах полковые козаки и довали ему деньги на подмогу, а ныне де у него тех денег миром просят и ему де тех денег взять негде, потому что он сидел на Москве в тюрьме, а в те де пору были у Ивана Чеплыгина сторонния люди Петр Митрофанов, Леонтей Павлов, никольской поп Алексей, стрелец Иван Свинолупов.

(Л. 304 об.) К сей своей скаски троецкой поп Антоней Сергеев и руку приложил.

К сей сказки Мокарик Конинской места дяди своево Богдана Иванова сына Конинского по ево веленью руку приложил.

К сей своей сказки девицкой поп Никита руку приложил.

(Л. 305) Июля в 10 день посацкой никольской поп Алексей сказал по священству: в селе Устьи у Ивана Чеплыгина с Сергеем Лихобритовым он поп Алексей был, а девицкой де вдовой поп Микита и такие речи, что бутто он поп Микита слышел от Гораски Кривушина, что он Гораско с товарищи своими хочет побить шильников и что будто он Гораско сидел в тюрьме на Москве от воеводы, будет де воевода и сам сидеть в тюрьме и денег ему даст, такие речи он поп Микита говорил или нет, того он не упомнит, потому что он поп Алексей в ту пору был пьян.

Июля в 16 день воронежец сын боярский Петр Митрофанов сказал по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси крестному целованью: губной де староста Сергей Лихобритов у Ивана Чеплыгина при нем Петре был и что он Сергей про Горасимка Кривушина такие речи говорил или нет, что он Гораско хочет с товарищи своими побить шильников, того он Петр не слышал, а что де вдовой поп Микита говорил у Ивана Чеплыгина сидя, что он поп Микита слышел от Гораски Кривушина такая речи, что сидел де он Гораско от воеводы на Москве в тюрьме, те де речи поп Микита при нем Петре говорил, а такое де слово поп Микита говорил или нет, что воевода

будет и сам сидеть в тюрьме и денег ему даст, того он Петр не слышал.

И того ж числа воронежец Левонтей Павлов сказал по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси крестному целованью, что при нем де Левонтье Сергей Лихобритов у Ивана Чеплыгина говорил такие речи, что Гораско де Кривушин с товарищи своими хочет побить шильников и те речи он Левонтей слышел, а что де вдовой девицкой поп Микита у Ивана Чеплыгина, что бутто он поп Микита слышел от него Горасимка, что сидел он Горасимко на Москве в тюрьме от воеводы, будет де воевода и сам сидеть в тюрьме и денег ему даст и кого он Ге[ра]ско с советники своими хотел побить и розграбить, такие речи поп Микита говорил или нет, того он Левонтей не упомнит, потому что в то время был пьян.

(Л. 305 об.) К сей своей сказки никольской поп Алексей и руку приложил.

Петр Митрофанов руку приложил.

Левонтей Павлов руку приложил.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст. Д. 284. Л. 299–305.

*Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
E-mail: vng@main.vsu.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века / Е. В. Чистякова. – Воронеж, 1975.
2. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969.
3. Ляпин Д. А. Царский меч : социально-политическая борьба в России в середине XVII в. / Д. А. Ляпин. – СПб., 2018.
4. Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII вв. / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2018.
5. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-182. – Оп. 6. – Д. 80.
6. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. – Воронеж, 1998.
7. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 272.
8. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 284.
9. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 167.

*Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty
E-mail: vng@main.vsu.ru*